

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события главным образом выдуманы и не имеют ничего общего с событиями реальной истории. Действующие лица романа и некоторые подземные коммуникации Берлина также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (*forum.amabrov.ru*). Спасибо большое, друзья!

ПРОЛОГ

*Берлин, район Тиргартен,
апрель 1945 года*

К концу весны сорок пятого года один из крупнейших ландшафтных парков Европы, берлинский Тиргартен, уже мало напоминал излюбленное место воскресного отдыха жителей столицы Тысячелетнего рейха. Изрытый воронками авиабомб, несмотря на сеть радиолокационных постов наблюдения и мощную систему противовоздушной обороны, регулярно сбрасываемых на центр города самолетами союзников, и изрядно вырубленный местными жителями на дрова, парк, в шестнадцатом веке бывший излюбленным местом охоты бранденбургской знати, сейчас походил на прифронтной лес или, скорее, самый настоящий укрепрайон.

Сходства добавляли и многочисленные опорные пункты, противопехотные и противотанковые заграждения, вкопанные в землю по башни тяжелые «Тигры» и приплюснутые железобетонные блины артиллерийских и пулеметных дотов, зачастую соединенных между собой подземными бетонированными потернами. Здесь же, в бывшем болотистом лесу, на-

ходила и одна из трех исполинских многоэтажных боевых башен Первой зенитной дивизии генерал-майора Отто Зюдова «Зообункер», вооруженная как крупнокалиберными сто двадцативосьмимиллиметровыми пушками, так и многочисленными счетверенными зенитными автоматами. Расположенные под башней обширные бомбоубежища, соединяющиеся подземными ходами с другими укреплениями и туннелями городского метро, вмещали до десяти тысяч человек.

Оборонявшие город гитлеровцы не собирались так просто сдавать наступающим советским войскам расположенный в самом сердце Берлина парк, входящий в последний, девятый, сектор обороны города и открывающий дорогу к Рейхсканцелярии, где располагался бункер гитлеровской ставки. Учитывая ограниченную возможность применения танков и авиации и огневую мощь «Зообункера», бои на территории Тиргартена шли весьма кровопролитные — оборонявшиеся, в основной массе, принадлежали к войскам СС, и сражаться за любимого фюрера собирались до самого конца. Поэтому Тиргартен продержался дольше всего, капитулировав только первого мая, когда большая часть нацистской столицы уже оказалась под контролем наших войск, а Адольф Гитлер был мертв почти сутки.

Но сейчас на календаре еще был один из последних дней апреля одна тысяча девятьсот сорок пятого, победного, года...

— Знаешь, Серега, командир, по ходу, приврал, ни фиги все это на Грозный не похоже. Если б там такой хренотени понастроили, мы бы его в девяносто пятом вовсе не взяли.

— А предки, как видишь, взяли, причем в сорок пятом и всего за неделю! Молодой ты еще, Лехинс, так что меньше языком чеши, лучше за своим сектором внимательней наблюдай, не хватает только, чтобы на нас какой-нибудь бродячий фриц вышел. Все, харе трепаться.

— Куда уж внимательней... — буркнул себе под нос названный «Лехинсом». — Я уже все листья на кустах пересчитал и местных белок в морду запомнил. Не удивлюсь, если и они меня тоже. Ты вообще уверен, что мы именно там, где нужно?

— Вот сейчас командир вернется, и узнаем, где нужно мы или где не нужно. И какие еще, на фиг, белки, при такой-то канонаде?

— Да видел парочку, вздрюченные, будто... — наткнувшись на взгляд товарища, он коротко хмыкнул себе под нос, решив не продолжать фразы.

Несколько следующих минут прошли в молчании. Каждый из лежащих в зарослях на краю неглубокого овражка с заросшими кустарником склонами бойцов в маскхалатах-«лохматках» внимательно контролировал свой сектор местности, готовясь, в случае необходимости, немедленно отреагировать на опасность. Обычная работа обычного фрон-

тового разведчика или спецназовца — часами неподвижно лежать, дожидаясь одному ему ведомого момента. И когда очередная советская мина или снаряд, сопроводив недолгий полет тоскливым воем или журчанием взрезаемого острым носом воздуха, глухо бухали, разбрасывая в стороны комья влажной весенней земли, никто из них даже не вздрагивал. Привыкли. Поскольку каждый из группы побывал уже не на одной войне, стыдливо и обтекаемо называемой политиками «локальным военным конфликтом» или «горячей точкой». И под вражеский минометный обстрел попадали, и под свой же артналет, поскольку потери от дружественного огня никто, увы, не отменял...

Вот только униформа, сейчас скрытая под балахонистой маскировочной накидкой, была не совсем обычной для этого места и времени. Точнее, совсем необычной. Несмотря на то, что сейчас, весной сорок пятого, в среде армейской разведки и отрядов ОСНАЗа НКГБ СССР встречались самые разнообразные образцы спецодежды, темно-серые, почти черные куртки и брюки с множеством карманов, нашитых на плотную ткань шершавых полосок-липучек, ремешков, петелек и прочих непонятных штукovin, поставили бы случайного свидетеля в тупик. Суставы прикрывали защитные налокотники и наколенники, на правом бедре каждого бойца крепилась полуоткрытая кобура, откуда торчала ребристая рукоять девя-

тимиллиметрового «Стрижа»¹ в комплектации, дающей возможность автоматического огня и установку ПБС.

Еще больше его поразили бы бронежилеты с закрепленной на передней поверхности модульной разгрузочной системой из взаимозаменяемых подсумков под автоматные магазины, гранаты или элементы боевой экипировки, столь не похожие на примитивные стальные нагрудники-кирасы и поясные подсумки советских штурмовых групп. И это при том, что к бронежилетам еще не были пристегнуты ни защитные воротники, ни плечевая и паховая защита, ни дополнительные грудные бронепластины! Слева на нагрудном сегменте крепились вертикальные ножны под боевой нож и радиостанция, провод от которой уходил под глубокий защитный шлем со встроенной радиогарнитурой и креплением для прибора ночного видения, ныне отсутствовавшего. Современники бойцов однозначно узнали бы в этой экипировке неполный модульный штурмовой комплект типа «Воин-3М», в отличие от прародителя значительно модернизированный и, самое главное, облегченный за счет

---

¹ Пистолет «Стриж» («Strike One») — новейшая совместная российско-итальянская разработка. Калибр — 9 мм, количество патронов в обойме — 17 шт. Изначально разработан под широко распространенный в мире «коммерческий» патрон 9x19 «Luger / Parabellum», однако может использовать и гораздо более мощные отечественные варианты этого патрона «7Н21» и «7Н31».

применения новых материалов и технологий почти на полтора десятка килограммов. Но это современники. Для всех остальных укрывшиеся под маскхалатами наблюдатели выглядели бы пришельцами из иного мира. Что, в некоторой степени, так и было...

Но куда больший шок вызвало бы оружие — в руках затаившихся в зарослях Тиргартена бойцов были девятимиллиметровые пистолеты-пулеметы «ПП 19-01» «Витязь» с глушителями, прямые потомки легендарного «калашника». Ничего подобного в реальности сорок пятого года не существовало и существовать не могло даже чисто теоретически. И каким образом оружие, разработанное через более чем полвека, оказалось именно в этой точке пространства и времени, знали лишь эти двое. Знали, но не рассказали бы даже под самыми изощренными пытками: сумей гитлеровцы их захватить, оба умерли бы гораздо раньше начала допроса. Бойцы группы особого назначения отдела 7 МО РФ просто не умели и не считали нужным сдаваться в плен.

Да и кто, собственно, сказал, что их было всего двое?..

— О, вот и командир ползет! — обрадованно прошептал Лехинс, легонько толкая товарища в бок. — Быстро он, молодец!

— Заждались? — командир штурмового отряда со сложным индексом, понятным лишь непосредственному начальнику да главному компьютеру «семерки», подполковник Виктор

Иванович Трешников, до рождения которого оставалось еще долгих двадцать семь лет, устало провел по взмокшему лбу тыльной стороной грязной ладони. Ни чище, ни грязнее вымазанный пятнами и полосами маскировочной косметики лоб от этого, разумеется, не стал. Как и рука.

— Ф-фух! Да уж, сложновато тут ползать, фрицы на стреме, заразы. Ладно, мужики, погнались, мы чуток ошиблись, местность все-таки сильно изменилась, метров триста еще. Ребят я там оставил, вместе с грузом, нечего всей толпой по округе шариться. У вас как, тихо?

— Тихо, Нулевой, — иронично ухмыльнувшись краешками губ, качнул низко опущенным лохматым капюшоном Сергей. — Особенно когда мина рядом падает. Аж в ушах от такой тишины звенит. Место точно то, что нужно?

— Да точно, точно. Где-то там вход, больше ему и быть негде. Ладно, давайте за мной, дистанция — десять метров, не отставайте. Сейчас по овражку проползем, там на дне грязюка, мама не горюй, смотрите не вляпайтесь. Но мин нет, я проверил. Погнались...

Трое людей, похожих на небольшие ожившие холмики, внезапно словно получившие способность самостоятельно передвигаться, один за другим беззвучно растворились в зарослях, не потревожив при этом ни одной ветки...

ГЛАВА 1

Берлин, недалекое будущее

Дежурный пограничник столичного аэропорта «Берлин Тегель» Ганс Кюхель с трудом подавил зевок — ежедневный аэробус из Москвы приземлялся поздно, в половине двенадцатого ночи — и с вежливой улыбкой протянул паспорт третьему молодому человеку из небольшой группы русских туристов. Документы у троицы были в порядке, Шенген не просрочен и оформлен по всем правилам, так что придраться оказалось не к чему, да и незачем. После досрочных перевыборов канцлера и отмены в позапрошлом году идиотских санкций, навредивших Европе в целом, и Германии в частности, куда больше, нежели самой России, в страну снова потянулись туристы, что не могло не радовать. Какое-никакое, а пополнение бюджета — впрочем, не сравнимое с огромными суммами экспорта и доходами от совместных предприятий, в первую очередь в традиционной для федеративной республики области автомобилестроения. Болваны политики наконец одумались, прекратив испуганно смотреть за океан и позволив русским финансовым по-

токам оживить подзахиревшую немецкую экономику. Кюхель никогда особенно не интересовался политикой и историей, но из редких рассказов побывавшего на Восточном фронте деда помнил, что с русскими следует дружить, но ни в коем случае не воевать. А если русские при этом еще и помогают экономике — так это и вовсе прекрасно!

— Спасибо! Отличное обслуживание, — вежливо поблагодарил турист по-немецки, забирая паспорт. На родном для Кюхеля языке русский говорил весьма неплохо, чувствовалась или хорошая теоретическая подготовка, или большая практика. А едва заметный акцент даже напоминал выговор коренного уроженца Баварии. По крайней мере, многие из эмигрантов, даже прожив в Германии много лет и получив полное гражданство, разговаривают куда хуже, причем дело вовсе не в акценте как таковом, а именно что в знании самого языка.

— Не за что, господа, это моя работа. Приятного вечера. — Пограничник коротко кивнул парню, двинувшемуся в сторону поста таможенного досмотра.

«Спортсмены, наверное, — неожиданно решил Кюхель, инстинктивно проведя ладонью по нависшему над форменным ремнем солидному брюшку любителя пива с жареными сосисками. — «Вон какие подтянутые да рослые. Наверняка там, в своей России, не напичканные холестерином гамбургеры жрут, а нормальную пищу. Да, точно спортсмены, потому

и вещей с собой почти нет, только по одному небольшому рюкзачку. Видимо, тренировка у них тут, и не первая, раз так язык вызубрили. Тот, что постарше, — тренер, конечно. Только глаза странные, холодные какие-то, что ли? Такие, что и взглядом лишний раз встречаться не хочется. Вроде бы смотрят доброжелательно, вот только от такой доброжелательности аж мороз по коже. Хотя, кто их, этих спортсменов, разберет...»

Если бы младший пограничный офицер Кюхель служил в бундесвере или какой-нибудь спецслужбе, он, вероятно, нашел бы иное сравнение: такие глаза бывают у бойцов спецназа или профессиональных убийц. Но в армии Ганс не служил — перед смертью дед, пехотный унтер-офицер Гюнтер Кюхель, дважды раненный на фронте и отсидевший семь лет в советском плену, где вместе с бывшими боевыми камрадами восстанавливал разрушенные войной русские города, взял с внука слово, что тот не свяжет судьбу с военной карьерой. Служба в подчиняющихся министерству внутренних дел погранвойсках оказалась достойным компромиссом. Поэтому версия о спортсменах его вполне устроила.

Проводив скептическим взглядом идущую к соседней стойке паспортного контроля для граждан Евросоюза высокую тощую немку, похожую на сушеную воблу, с жиденьким хвостиком соломенно-желтых волос на затылке, возвращающуюся на родину из туристической

поездки, он тут же переключился с русских спортсменов на размышления о сомнительных достоинствах соотечественниц. А потом и об этом позабыл, разглядев подходящую к его стойке ослепительно-красивую девушку с российским паспортом в руке, тянущую за собой здоровенный чемодан на колесиках. Вот это уже совсем другое дело, нежели какие-то спортсмены...

*Берлин, парк Тиргартен,
утро следующего дня*

Затянутый утренним туманом городской парк встретил троих «спортсменов» щебетом просыпающихся птиц и зябкой сыростью, тянущейся со стороны озера Нойер. Посещение территории разрешалось круглосуточно, по графику работали только площадки осмотра достопримечательностей, музеи и увеселительные заведения, но в столь раннее время — часы показывали только половину седьмого — раскинувшийся более чем на две сотни гектаров Großer Tiergarten был безлюден и пуст и на самом деле напоминая настоящий лес. Даже запахи были лесными, пахло влажной травой, весенней землей, прелыми листьями, еловым ароматом, отчего с трудом верилось, что буквально в километре — центр огромного и шумного европейского мегаполиса.

Сверившись с GPS-навигатором, старший группы — причем «старшим» он являлся не только по должности, но и по званию и воз-

расту — молча кивнул в нужную сторону. Несколько минут шли молча, благо непроходимых зарослей, несмотря на девственный вид парка, по дороге не встречалось, затем лейтенант Алексей Новицкий все же не выдержал:

— Командир, а чего мы так рано приперлись-то? Сомневаюсь, что в такое время тут можно встретить любителей пикничка на природе. Вот часиков в одиннадцать — другое дело. Расселись бы на травке да трескали сосиски с пивом, ни один полицаи не прикопается.

— Вот именно поэтому и приперлись, — пожал плечами тот. — Ночью подозрительно, поздним утром или днем — людно, зато сейчас — в самый раз. Часа два-три у нас есть, а уж потом, коль понадобится, станем любителей пикников на обочинах изображать. Все, если спутник не врет, мы на месте с точностью до трех метров. Третий, Четвертый, быстренько пробегитесь по окрестностям, нам лишние глаза ни к чему, — приказал Трешников, назвав товарищей по их радиопозывным. Нечего расслабляться, и на самом деле не отдыхать сюда приехали.

Сбросив на влажную от росы траву небольшой «городской» рюкзак, подполковник Трешников отстегнул клапан и вытащил телескопическую штыковую лопату-«фискарь»¹. По-

---

¹ «Фискарь» (жаргон) — лопата финской компании «Fiskars». Благодаря высокой надежности, удобству и возможности переносить в сложенном виде в рюкзаке или чехле металлодетектора, является излюбленным инструментом археологов и кладоискателей.

махивая лопаткой, неторопливо двинулся по расширяющейся спирали, внимательно осматриваясь в поисках ориентира, который помог бы привязать нынешнюю местность к тому, что находилось здесь семьдесят с лишним лет назад. Несмотря на прошедшие годы, виденная на старых фотографиях приметная балочка никуда не делась, разве что порядочно обмелела да склоны оплыли, став более покатыми.

Теперь предстояло найти, собственно, вход — ради чего они и прилетели в Берлин, поскольку точных схем не сохранилось, лишь упоминание в старых архивах о подземном ходе, ведущем из этого уголка городского парка в подвалы зенитного комплекса «Flakturm I Zoo», один из туннелей метро и далее непосредственно к Рейхсканцелярии и гитлеровскому бункеру. В идеале им предстояло обнаружить и осмотреть ход как минимум до развилки, расположенной под бывшей артиллерийской башней, а то и дальше, аж до самого «фюрербункера», однако никакой гарантии того, что он еще существует, не было. Попавший в британскую зону оккупации «Зообункер» был разрушен еще в сорок восьмом году. Английским саперам пришлось использовать для этого порядка тридцати с лишним тонн взрывчатки, и секретный туннель скорее всего обрушился. Но пока оставался пусть и мизерный, но шанс, что это не так, пренебрегать им не следовало. Единственное, что было точно известно, — вход